

Элейн закричала в знак благодарности, ее язык стал грубым, когда его член снова погрузился в ее горячую влажную пизду. Она подталкивала его вперед, ее бедра поднимались навстречу каждому его толчку, пока он расхищал ее сокровищницу. Снаружи утро было холодным и морозным, но внутри спальни их тела были покрыты потом, и они неистово трахали друг друга, не обращая внимания на температуру.

Ощущения между ее бедер усиливались, и она знала, что стремительно приближается к кульминации. Она снова подтолкнула его вперед, ее слова были настолько грубыми, что она ужаснулась сама себе и подумала, не оттолкнула ли это его. Но один взгляд в его глаза сказал ей, что это только усилило его пыл. А потом волны наслаждения накатили на нее, когда она выгнулась под ним, а он продолжал долбить ее пизду. Она впиалась ногтями в нижнюю простыню, скрутила руки в кулаки, напрягая каждую мышцу своего тела и призывая его имя. Через несколько секунд она почувствовала, как его горячая сперма попала в задний проход, когда он наполнил ее киску своей спермой, его бедра превратились в сплошное пятно, когда он жестоко трахал ее.

В конце концов, обессиленный, он опустился рядом с ней, холодный воздух комнаты начал быстро охлаждать их тела, когда они задыхались в унисон. Повернувшись на бок, он снова натянул одеяла на них обоих, а затем просунул руку под ее шею и притянул ее ближе к себе. Прижав ее к своей груди, он небрежно погладил ее грудь, заметив, что ее соски снова стали эрегированными. Заглянув ему в лицо, она коснулась его щеки, ее сердце было полно любви к нему, когда он наклонился к ней и страстно поцеловал ее.

"Черт возьми, мама, ты лучший трахальщик, который у меня когда-либо был", - прошептал он ей, заставив Элейн обильно покраснеть.

Она знала, что то, что они сделали, было неправильно, но "какого черта", думала она, они не причинили вреда никому другому. Они оба дали согласие на только что совершенный акт, и, если уж на то пошло, ей очень хотелось его повторить. Элейн сначала не хотела. Поскольку она была на тридцать лет старше своего сына Энди, она размышляла, что в ней такого, что могло бы его привлечь. В любом случае, она была его матерью, и, конечно, он не мог испытывать к ней сексуальных чувств.

Оглядываясь назад, можно сказать, что они всегда были близки, он был ее первенцем, что делало его особенным. Но за последние шесть месяцев она заметила, что некоторые его комментарии и намеки другие люди посчитали бы неуместными по отношению к ней как к родителю. Она не делала ему замечаний, втайне радуясь тому, что его считают человеком, который по-прежнему желанен, но понимая, что молодое поколение теперь смотрит на секс иначе, чем она была воспитана.

Кроме того, подумала она, он просто развлекался с ней, и она чувствовала себя особенной, когда ее дразнили. Не то чтобы ей было что предложить, хотя она была достаточно красива, она не принадлежала к тем женщинам, которых можно было бы назвать привлекательными. Когда она листала журналы, перед ней представляли женщины с более полными фигурами, их грудь всегда была заметной частью тела. Хотя она знала, что у нее хорошие ноги, чем она всегда гордилась, ее грудь, как она знала, была чем-то вроде разочарования. Они всегда были маленькими, но, по крайней мере, когда она была моложе, они были упругими и гордо торчали

из ее груди.

Двое детей и время взяли свое, и теперь ее торчащие груди начали немного обвисать. Она никогда не была толстой, но сейчас, когда она смотрела в зеркало боком, то видела, что ее живот с каждым годом становится все более выпуклым, она ласково называла его "детским животиком". В целом, она считала себя в приличной форме для женщины ее возраста, но знала, что у нее нет того, что нужно, чтобы привлечь человека на тридцать лет моложе ее.

Все встало на свои места несколько недель назад; за это время погода испортилась, температура резко упала. Каждое утро, когда они просыпались, окна в спальне покрывались тонким слоем замерзшего конденсата. Единственным источником тепла в доме был большой камин внизу, который она разжигала каждую ночь, чтобы тлеющие угли согревали гостиную на следующее утро.

Каждый вечер она зажигала обогреватель в каждой из спален, чтобы согреть их перед сном, но это было слишком опасно из-за дыма, чтобы оставлять их гореть всю ночь.

Однажды утром она проснулась в холодной спальне, накинула халат на ночную рубашку, спустилась вниз и подбросила еще углей в остатки вчерашнего костра. Она надеялась, что к тому времени, как она оденется, он уже снова будет пылать. Вернувшись наверх, она быстро умылась, дрожа от холода и не предвкушая перспективы раздеться в своей комнате.

Рядом с ванной был большой шкаф, или, как они его называли, "буфет для проветривания", где стоял баллон с горячей водой и хранилось только что выстиранное белье. Открыв дверцу, она почувствовала тепло внутри и вдруг решила, что это идеальное место для того, чтобы одеться. Схватив белье и платье, она вошла в комнату и закрыла за собой дверь. Ее сын и дочь были еще в постели и спали, поэтому ее не беспокоили.

Она только что надела пояс с подтяжками и чулки и уже искала трусики в кромешной тьме, как вдруг дверь открылась, наполнив маленькое пространство дневным светом. Прежде чем ее инстинкты включились и она попыталась прикрыться, она и ее сын Энди замерли, уставившись друг на друга. Она не могла не заметить его эрекцию, член торчал вверх, как флагшток, а его глаза оценивали ее наготу. Элейн ожидала, что он поспешно закроет дверь от смущения, но вместо этого он шагнул внутрь и закрыл за собой дверь.

Элейн пыталась отругать его, сказать ему, что он "должен уйти", но он недоуменно проигнорировал ее слова, когда она почувствовала, как он наклонился к ней, а в следующую секунду его губы коснулись ее губ. Ей следовало бы отстраниться, открыть дверь и выгнать его, но вместо этого она почувствовала, что отвечает на поцелуй. Много раз он целовал ее щеку, но это было неправильно, его рот, мягко прижатый к ее рту, ощущался иначе и волнующе. Он притянул ее к себе еще крепче, и она почувствовала, как его пульсирующий член упирается ей в живот. Она должна сказать ему, чтобы он прекратил, подумала она, но, захваченная моментом, вдруг осознала, что внизу у нее медленно становится влажно, так как он возбуждает ее. Ее соски, плотно прижатые к его груди, стали твердыми и эрегированными, что он не мог не заметить.

В конце концов, ей удалось освободиться: "Энди, пожалуйста, не сейчас", - сказала она ему.

Он нащупал полотенце, открыл дверь и бросился в ванную.

Она не сказала ему "нет", о чем, черт возьми, она думала. У нее дрожали ноги, и прошло несколько минут, прежде чем ей удалось натянуть трусики и застегнуть лифчик.

Окончательно одевшись, она вышла из маленького помещения. Энди стоял у раковины в ванной, все еще совершенно голый, его член был вялым и болтался между ног. Он повернулся, когда она посмотрела в его сторону, и подмигнул ей, отчего она ярко покраснела.

Ни в тот день, ни на следующий он не упомянул о том, что произошло, и Элейн не знала, стоит ли ей поднимать эту тему, но в конце концов решила отложить ее на потом.

Рождество стремительно приближалось, и у Элейн были другие заботы, хотя она все еще задавалась вопросом, что заставило ее сына повести себя так, как он повел. У Энди уже начались рождественские каникулы в колледже, а ее дочь Сэнди должна была вскоре расстаться. Прошло почти девять дней, и наступил вечер пятницы. Сэнди спросила у матери, можно ли ей остаться на ночь у подруги, и Элейн пообещала отвезти ее туда, так как на улице было жутко холодно и падали первые хлопья снега.

Вернувшись домой, она обнаружила, что в доме, кроме гостиной, было очень холодно, и поднялась наверх, чтобы зажечь обогреватели. К одиннадцати часам и она, и Энди были в постели, укрывшись одеялами в своих теплых комнатах. Элейн проснулась около трех часов, некоторое время ворочалась, но не могла согреться даже под одеялом. Она как раз решила встать и разжечь огонь внизу, а потом попытаться поспать на диване, когда дверь ее спальни открылась.

Энди высунул голову из-за двери: "Мне показалось, что я услышал движение, слишком холодно, чтобы нормально спать, поэтому я решил принести горячий напиток, хочешь?".

Элейн кивнула головой, натянула одеяла под подбородок и подтянула колени, ее ступни и пальцы ног были словно ледяные глыбы.

Он вернулся через несколько минут с двумя кружками горячего кофе; Элейн уловила аромат бренди. Поставив ее чашку на прикроватную тумбочку, он взял свою с другой стороны, а затем скользнул под одеяло рядом с ней. Она нервничала, спрашивая его, что он делает, но он не сказал и не сделал ничего, кроме как сообщил, что им обоим будет теплее в одной постели. Закончив пить кофе, они забрались под одеяло, и Элейн повернулась к нему спиной, ее сердце забилось быстрее, когда она почувствовала, как он прижался к ней сзади, его рука подошла и обняла ее. Она быстро согрелась и вскоре уже дышала спокойно, погружаясь в сон.

Когда она открыла глаза, сквозь занавески пробивался тусклый свет, но это был не тот свет, который ее потревожил. Она проснулась по двум причинам. Во-первых, она инстинктивно

знала, что ее киска мокрая, а во-вторых, она чувствовала себя чертовски возбужденной. Причина, как она быстро поняла, заключалась в пальцах Энди, скользящих в ее пизде. Она должна была остановить его, возможно, даже дать ему пощечину, по крайней мере, она должна была крикнуть ему, чтобы он убирался из ее кровати и комнаты. Но вместо этого она шире раздвинула ноги, предоставляя ему большой доступ, и первые вздохи и стоны сорвались с ее губ. Ночная рубашка, как она обнаружила, задралась на талии, и рука сына исследовала ее женские достоинства, ее живот и бедра неконтролируемо вздрагивали, когда он нашел ее клитор и уделил ему свое безраздельное внимание.

Элейн знала, что у нее немного подтекает, она чувствовала слегка влажное пятно под попкой, результат того, что ее клитор стимулировали до такой степени, что она испытала оргазм. Когда ее рука двинулась в сторону, она обнаружила, что в какой-то момент ночью Энди снял пижаму, и ее пальцы встретились с голой плотью. Невозможно было игнорировать его эрекцию, она чувствовала пульсацию его члена, и ее рука, обхватив его толщину пальцами, пыталась найти контакт.

Медленно и чувственно она скользила по коже вперед и назад, отбрасывая его, и Энди вздохнул с благодарностью. Он задрал ее ночную рубашку повыше, обнажив ее маленькие груди. На мгновение она смутилась от их размера, но Энди, казалось, это не волновало: он обхватил каждую по очереди, массируя гладкую мягкую плоть, а затем погрузил голову и взял в рот каждый из ее сосков. Его рука и пальцы возобновили исследование ее пизды, иногда поодиночке, часто вдвоем, когда он ласкал ее, снова повышая температуру ее тела и возбуждение.

Было много вещей, которые он хотел сделать с ней, но она не позволяла. Только "профессиональные" женщины делают это, думала она, она никогда не делала таких вещей, даже со своим мужем.

Наконец, нарастающие ощущения между ног больше нельзя было игнорировать, и, сбросив ночную рубашку, она потащила его по своему телу, с трудом размещая его член, а затем закричала, когда он заполнил ее пизду, и они стали трахать друг друга.

Она была полностью удовлетворена, признавая, что уже давно не испытывала таких ощущений, и даже тогда это не было похоже на то удовлетворение, которое только что подарил ей сын. Ее муж, давно ушедший, так и не смог заставить ее почувствовать себя полноценной, секс был чем-то, что происходило каждую субботу вечером, обычно после его возвращения из паба, и всегда в одной и той же миссионерской позе.

Когда он в конце концов ушел, оставив ее с двумя маленькими детьми, она смирилась с одиночеством. После смерти родители завещали ей дом и некоторую сумму денег, не настолько большую, чтобы сделать ее богатой, но достаточную для того, чтобы справляться, пока она работала несколько дней в неделю уборщицей.

Энди продолжал играть с ее грудью и сосками, но она знала, что должна встать и одеться.

Энди, веди себя прилично, мне нужно одеться, твою сестру нужно будет забрать, а для этого есть время позже", - наставляла она его, но в ее тоне слышалось веселье.

Он, казалось, был удовлетворен тем, что она, похоже, снова рада участвовать, откинувшись на спинку кресла и внимательно наблюдая за тем, как она одевается. Сначала подтяжки и чулки, затем трусики и бюстгальтер, они были "мамино" вида, но очень функциональные и всегда белого цвета. Энди не пытался скрыть развивающуюся выпуклость под одеялом, глядя на нее, стоящую в нижнем белье.

Энди, прекрати, ты заставляешь меня чувствовать себя неловко", - сказала она ему.

"Ты заставляешь меня чувствовать себя буйным, вернись в постель и позволь мне трахнуть тебя снова", - ответил он, пожирая ее глазами.

Это была одна из тех вещей, к которым ей еще предстояло привыкнуть: молодые люди говорили о сексе так же, как о погоде, используя слова, которые, по ее мнению, подходили только для спальни, а не для повседневного употребления. Но в то же время она находила освежающим то, что он свободно выражал свои чувства и желание сделать с ней то, что его волновало, что он находил ее сексуальной и желанной.

Ночью выпал снег, и теперь все вокруг было покрыто белым одеялом, когда она шла забирать Сэнди у друзей. Перед возвращением домой ей нужно было сделать несколько дел, приготовить еду и собрать подарки перед важным днем. В течение следующих нескольких дней Энди, к счастью, вел себя безупречно. Элейн беспокоилась, что он может сказать или сделать что-то неподобающее в присутствии сестры, но он сдерживал свои комментарии, когда они были одни, и делал все возможное, чтобы не смущать ее.

Энди вспомнил, когда у него внезапно появился интерес, это был один из тех комментариев, которые, вероятно, делаются среди всех групп молодых людей в определенном возрасте. У него был друг, у которого был друг, чей приятель трахал его мать, или, может быть, сестру? Он не мог вспомнить, кто именно, и не придавал этой истории особого значения. В колледже всегда передавали определенные журналы, и он припрятал несколько экземпляров, в некоторых из которых были зрелые женщины. Вернувшись домой той ночью и лежа в постели, он вдруг вспомнил эту историю, задаваясь вопросом, каково это - трахнуть свою мать или, может быть, сестру. Достав из угла комнаты свою сумку, он достал один из журналов и пролистал его страницы.

Все женщины в журналах были одного возраста или старше его матери, одетые, он не удостоил бы ни одну из них и второго взгляда. Это были не профессиональные модели, которые состарились, а обычные женщины, которые по какой-то причине решили снять свой комплект.

Несмотря на их обвисшие груди, валики жира и тяжелые бедра, в них было что-то сексуально возбуждающее. Он попытался представить себе обнаженную маму, лежащую рядом с ним, и обнаружил, что его член начал напрягаться. Его пальцы дразнили головку, пока он листал страницы, и он был очарован, когда наткнулся на одну женщину, фигура которой была очень

щелчок, щелчок.

Он не смог сдержаться, когда шагнул внутрь, закрыл за собой дверь, а затем стал целовать ее.

"Боже мой", - подумал он про себя, - "Она целует меня в ответ".

Он знал, что она никак не может пропустить его эрекцию, упирающуюся ей в живот, и возбуждался, чувствуя, как ее затвердевшие соски упираются ему в грудь. Когда они, наконец, расстались, она не стала его ругать, просто сказала, чтобы он уходил, так как время еще не пришло. Эта мысль засела у него в голове, она не отвергла его ухаживания, только сказала, что время не подходящее.

Она уже оделась и спустилась вниз, когда он закончил в ванной, сразу же вернулся в свою комнату, запер дверь и бросился на кровать. Картины были настолько свежи в его памяти, что его член мгновенно стал твердым и пульсирующим, когда он энергично мастурбировал, толчок, как разряд электричества, пронесшийся по его телу, завершился струей спермы, ударившей ему под подбородок.

<http://erolate.com/book/2266/59713>